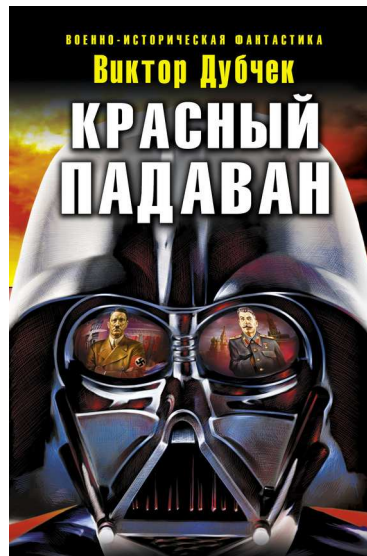

Виктор Дубчек
Красный падаван
Серия «Красный падаван», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6696092
Красный падаван / Виктор Дубчек: Яуза-пресс; Москва; 2012
ISBN 978-5-9955-0458-0

Аннотация

«Бывают такие книги, чей сюжет в пересказе выглядит горячечным бредом. Темный Властелин Дарт Вейдер на имперском крейсере попадает к Земле 1941 года? Иосиф Сталин заключает союз с Дартом Вейдером?! Имперские штурмовики вместе с бойцами Красной Армии героически сражаются против солдат Вермахта??? У такого сюжета – 99,9 % вероятности быть чудовищной графоманией. И всего лишь одна сотая процента – оказаться тонкой, на самой грани фола, пародией – и над набившими оскомину книгами про «попавших к Сталину», и над космической фантастикой в духе Звездных Войн. Но самое удивительное, что в какой-то момент этот задорный иронический бурлеск, балансирующий на грани между трэшем и фарсом, становится больше, чем просто пародией – и автор, не меняя выражения лица, начинает говорить и о серьезных вещах...

Как известно, у России есть два выхода – либо мы сами все исправим, либо прилетят инопланетяне и помогут, причем фантастическим является первый вариант. Так вот, книга Дубчека не фантастическая, фантастическим было наше прошлое. Но, быть может, она поможет сделать фантастическим наше будущее».

Сергей Лукьяненко

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Часть II	21
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Часть III	39
Глава 7	39
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виктор Дубчек

Красный падаван

© Дубчек В. П., 2012

© ООО «Яуза-пресс», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Часть I

Скучная планета

Глава 1

«Золотое» попадание

Таусу было страшно, очень страшно.

Каждый шаг давался с трудом, как будто генераторы искусственной гравитации снова сошли с ума и пытались размазать молодого офицера по палубному металлу.

Но дело было, конечно, не в гравитации: в своём нынешнем состоянии линкор едва мог поддерживать четверть от штатной. На некоторых палубах аварийные команды всё ещё работали в скафандрах с магнитными держателями. Кое-где продолжались пожары, хотя гореть, казалось, было уже нечему, а противопожарные системы давно выработали все патроны с инертным газом. Часть отсеков вовсе потеряла герметичность, и закрыть их было невозможно даже щитами, потому что щиты тоже были выбиты практически полностью, но, к счастью, крупных метеоритов или мусора пока не попадалось.

Алустилловые элементы набора в основном выдержали и подрывы на гравитационных минах, и последующие столкновения, но многие плиты внешнего корпуса деформировались и разошлись на стыках. Почти две трети силовых установок корабля были либо разрушены, либо автоматически выведены в холостой режим – от греха подальше. Система электроснабжения пострадала, кажется, ещё сильнее, и в провонявших кислой пластиковой гарью коридорах то и дело гасло штатное освещение.

Линкор почти утратил управляемость и после выхода из гипера мог лишь судорожно подрабатывать планетарными двигателями, стабилизируя положение в пространстве. Основной ангар, некогда способный без особого напряжения вместить даже Имперский дредноут, теперь представлял собой перепаханное металлическое поле, засыпанное обломками техники и радиоактивной графитовой пылью; три сотни истребителей, бомбардировщиков, транспортников – всё в кашу. О нижних вспомогательных ангарах и думать не хотелось.

Потери в живой силе, оборудовании и материальных ресурсах были настолько велики, что остатки технической и кадровой служб до сих пор не могли оценить масштаб катастрофы. Но это было лишь одной из причин, по которым лейтенанту Таусу было так страшно идти на доклад к Лорду Вейдеру.

Куда страшнее оказалось то, что никто не знал нынешнего местоположения корабля.

Звёзды вокруг были чужими.

– Что значит «не можем определить», лейтенант? – раздражённо спросил адмирал Криф. Холёные пальцы пробежались по краю стола, выбивая какой-то замысловатый ритм. – Вы пьяны?

– Никак нет, адмирал, трезв. – Таус выпрямился ещё деревяннее, с ненавистью глядя мимо краснеющего лица адмирала. За противоположным концом стола, в углу Резервного оперативного центра мрачно молчал Лорд Вейдер. Впрочем, Владыка ситх казался мрачным всегда, его массивная фигура в чёрном плаще, свистящее дыхание, неподвижная матовая маска нагоняли ужас и на куда более крутых парней, чем Таус. Но сейчас Вейдер молчал как-то особенно неприятно, не мешая адмиралу, всё более входившему в раж, изгаляться над молодым офицером.

«Ищут виноватого, – с глухой тоской в очередной раз подумал Таус, – повесят всё на меня – и поминай как звали. Силовые кандалы, электростимул, Имперский трибунал на Корусанте. Если сильно повезёт – позволят совершить самоубийство, тогда опала не коснётся хотя бы семьи».

– Мы потерялись, идиот, понятно вам это? Новейший линкор Империи! Это позор, это катастрофа!

Таус был, конечно же, не виноват в позоре и катастрофе. Просто из флотских старше его по званию в строю оставались только сам адмирал да флаг-капитан протокола Банну, кроткий улыбчивый старик со слезящимися глазами, давно выслуживший три полных круга. Назначать на роль виноватого Банну было бы слишком даже для Крифа. Остальные старшие офицеры флота остались под тоннами алустила и титана в искорёженной надстройке «Палача», выплеснулись в вакуум кровью и кишками, испарились под вспышками протонных торпед в погребах внешнего корпуса. Сейчас Таус завидовал погибшим и раненым. На них, по крайней мере, не орёт этот красномордый лицемер.

– Лейтенант, вы понимаете, что ваше поведение находится на грани саботажа? – продолжал накручивать себя Криф. – Что? А? Нет! Это и есть саботаж! Что значит «нет координат»? Как ты смеешь, щ-щенок, приходить на заседание Экстренного Совета с таким наглым видом, будто это не твоя вина в!..

– Адмирал, – неожиданно прервал этот поток брани спокойный тяжёлый голос. Таус, погружённый в мысленное созерцание безрадостных картин предстоящих пыток, трибунала и казни, не сразу понял, что наконец заговорил Лорд Вейдер.

«Адмирал, отдайте этого предателя и саботажника мне. Я разрублю его на тысячу маленьких эвоков и вышвырну в космос», – беззвучно закончил фразу лейтенант.

Чёрный шлем чуть наклонился в его сторону. Свист дыхания вырвался из-под маски, как скупая усмешка.

– Адмирал, а где вы находились в момент атаки мятежников?

Таус очень хорошо знал ответ на этот вопрос. Криф выжил, потому что в момент столкновения находился в собственной роскошной каюте на двадцать девятой палубе ипил розовое альдераанское в компании молоденькой красноносенькой твилекки. Таус слышал её пьяный смех по интеркому, когда в очередной раз пришёл к адмиралу с запросом от командора Пьета – офицеры, согласно штатному расписанию занявшие места на ходовом мостике в начале первого пробного рейса «Палача», ждали распоряжений, но адмирал сразу после отшвартовки мобильных стапелей расстегнул ворот парадного кителя, ушёл с мостика и не откликался на вызовы. Криф тогда даже не открыл дверь каюты, послав лейтенанта к крату и приказав не беспокоить его по пустякам.

Через двадцать стандартных минут в Основной ангар корабля аккуратно вошёл неповоротливый грузовой челнок с пилотом-дроидом – и взорвался точнёхонько напротив силовой сферы генератора щитов, срывая с фундамента агрегат, деформируя внутренний набор, лишая «Палач» возможности выпустить палубные истребители.

Ещё через полторы минуты надстройка корабля была изуродована столкновением с вывалившимся из гипера каламарским фрегатом, пилот которого то ли решил поиграть в героя, то ли просто потерял управление. Почти все находившиеся в боевой рубке погибли. Новенький сверхмощный и сверхзащищённый корабль перестал быть боевой единицей, отдавшись на волю гравитации. Деятнадцать километров металла, кремния, пластика, воздуха, бронестекла и дрожащей плоти отправились в безбашенное – буквально, ведь надстройка уже перестала быть – путешествие.

«Палач» раздавил несколько не успевших увернуться мобильных стапелей и снёс с орбиты платформу типа Голан-2, по иронии судьбы предназначенную для защиты самого

линкора во время строительства. Споткнулся о другую, потеряв половину барбетов левого борта, несколько вспомогательных ангаров и наблюдательных постов. К этому времени в боевом объёме в сознании не было никого, кроме дроидов, поэтому выход «Палача» на гравиминное поле оказался не столь эффектен, хотя, бесспорно, эффективен. Шесть разрывов добились химическое и протонное хозяйства, генераторы щитов и курсовые службы верхней полусферы. В погребках детонировало ещё несколько протонных зарядов. Казармы обоих штурмовых легионов были засыпаны обломками переборок и агриниевой крошкой, горели; но и «пятьсот первым», и «выюжникам» повезло – большая часть штатного состава подразделений ещё оставалась на планете.

Наконец «Палач» проломился через гравимины и нос к носу вышел на ожидавшийся его караван судов снабжения. Расчётная автономность корабля класса Звёздный Суперразрушитель составляет шесть стандартных лет... караван оказался большим. Линкор уже было некому – и нечем – остановить, поэтому он последовательно протаранил сперва два челнока, затем десяток тяжёлых транспортников, с каждым последующим ударом теряя ещё несколько отсеков, плит внешнего корпуса, радарных установок и турболазерных турелей.

Набор держался, но и в обитаемом объёме уже не осталось практически никого, кто не был бы ранен или контужен из-за сотрясений. К счастью, в строю оставались дроиды, и в строю оставались гипердвигатели, поэтому, когда изуродованный красавчик линкор стал окончательно сваливаться в гравитационный колодец Фондора, кто-то из дроидов сумел экстренно запустить гипердвигатель – планетарные приводы уже не справлялись.

«Палач» ушёл в нерасчётный гипер – и даже вышел из нерасчётного гипера, что было уже совсем неправдоподобным везением. Таус должен был погибнуть на мостике с остальными офицерами, но уцелел, потому что не успел дойти до турболифтов: он прошагал пешком всю тридцатую палубу, пытаясь хоть немного успокоиться. Адмирал Криф слишком хорошо умел подбирать слова, когда хотел уязвить подчинённого.

Теперь уязвлён был сам адмирал.

– Лорд Вейдер, я не понимаю, какое это имеет отношение к делу? Саботажник отказывается даже сообщить нам, где мы сейчас находимся. Из-за его действий мы не можем запросить помощи...

Свист сухого дыхания сделался резче.

– Помощи, адмирал? Это сильнейший корабль в Галактике, мой личный линейный крейсер. Империи необходим этот корабль. Я назвал его «Палачом» не для того, чтобы ваша некомпетентность привела к таким тяжёлым последствиям.

– Лорд Вейдер, вы забываетесь! Ваше положение при Императоре не даёт вам права...

– Это последний раз, когда вы подводите меня, адмирал.

Криф поперхнулся, задёргал веком. Вейдер неторопливо поднял руку, чёрная матовая перчатка чуть шевельнулась – и адмирал вдруг запрокинул голову, заскреб ногтями, в кровь раздирая собственное горло, на глазах почернел и перестал дышать. В тишине отчётливо слышался сочный хруст ломаемых позвонков. Тело в парадной форме мягко сползло на ковёр. Таус испытал лёгкий укол немного постыдной радости, потом понял, что и сам не дышит.

– Капитан Игнази. Вы принимаете управление «Палачом».

Таус удивился, что Лорд Вейдер помнит его фамилию, хотел сказать, что он вовсе не капитан, а всего лишь лейтенант, что в двадцать четыре стандартных года ещё рано командовать крупнейшим линкором Империи, что он вообще не хотел идти во флот – но слова почему-то никак не находились, а в горле першило от ужаса и восторга.

– Итак, наша навигационная служба не в состоянии определить координаты точки выхода?

– Так точно, Лорд Вейдер. Прыжок оказался практически спонтанным, гипердвигатели были форсированы прямо из дежурного режима и только для того, чтобы избежать падения в гравитационный колодец Фондора. Мы не успели зафиксировать параметры входа в гипер, так что не можем и вычислить точку выхода.

– Вы пробовали триангуляцию по известным звёздам?

– Лорд Вейдер, наши астронавигаторы не наблюдают известных звёзд.

– Как это может быть, капитан? – голос Владыки ситха зазвучал раздражённо.

– Я не знаю, Лорд Вейдер. Дроиды-навигаторы утверждают, что в наших банках данных нет спектральных записей о ближайших звёздах. Включая ту, в системе которой мы сейчас находимся. Но часть банков была повреждена ещё при первых подрывах, возможно, что-то удастся восстановить со временем. Я приложу все силы...

– Что за планета под нами? – перебил свежее испечённого капитана Вейдер.

– Неизвестно, мой Лорд. Это планета с азотно-кислородной атмосферой, пригодной для дыхания, – Таус чуть запнулся, вспомнив, что лёгкие Вейдера были сожжены в какой-то из великих битв прошлого – тёмный джедай мог дышать лишь с помощью своей кошмарной маски, закрывавшей всё лицо, либо в особой гипербарической камере, установленной в его каюте. Вейдер, однако, не счёл нужным заметить заминку, и Таус продолжал: – Планета обладает обильной растительностью, океанами, населена гуманоидной разумной формой жизни, визуально наблюдаются довольно примитивные поселения. Мы перехватываем радиосигналы, но они слабы... и дроиды-переводчики не могут опознать язык.

– Это невозможно. Дроиды знают миллионы языков.

– Да, Лорд Вейдер. Но языки этих радиопередач им не известны.

– «Языки», капитан?

– Выделено уже более тридцати различных диалектов. Дроиды приступили к расшифровке.

Вейдер удовлетворённо повернулся в крутящемся кресле.

– Такое количество наречий свидетельствует, что обитатели планеты разобщены. Превосходно.

Таус всё-таки решился осторожно уточнить:

– Мой Лорд, возможно, есть способ определить наши координаты с помощью Силы. Я слышал, что Сила присутствует везде.

– Это так, но образ этой части Галактики... необычен. Я не чувствую здесь знакомых путей в Силе. Но пусть вас это не беспокоит, капитан Игнази. Я займусь этим лично.

После того как за капитаном закрылась дверь, Вейдер неторопливо подошёл к чудом уцелевшему бронестеклу каюты. Остальным секциям панорамы повезло меньше – на их месте глухо чернели щитки квадрантовой стали.

– Старкиллер, – негромко произнёс Вейдер.

В тот же миг навстречу ему из глубокой тени выступил высокий худощавый юноша в неприметном рабочем комбинезоне. На инструментальном поясе справа висел небольшой металлический цилиндр. Знающий человек опознал бы в цилиндре рукоять светового меча и решил, что юноша, вероятно, очень уверен в своей Силе, раз носит знаменитое джедайское оружие так открыто.

Аскетично поджатые губы молодого человека чуть шевельнулись:

– Да, Господин.

– Посмотри.

Старкиллер послушно повернулся к свету. Внимательные серые глаза привычно прищурились.

Тяжёлый плащ всколыхнулся, кулак Вейдера упёрся в бронестекло с такой силой, будто Владыка ситх хотел пробиться наружу, в открытый космос.

– Я чувствую великое возмущение в Силе, но не могу понять его природу. Ты отправишься вниз.

Старкиллер бросил быстрый взгляд на Учителя.

– Да, Господин.

Юноша снова повернулся к панораме. Блестящие струйки пара били с обшивки в пространство, мгновенно застывая и рассыпаясь разноцветными снежинками: изуродованный корабль нещадно травил воздух. Но при наличии внизу подходящей атмосферы это не было такой уж проблемой.

Избитое, осиротевшее, полуослепшее девятнадцатикилометровое звёздное чудовище висело на орбите небольшой и довольно скучной зелёно-голубой кислородной планетки.

Глава 2

Пропала суббота

Войны ждали, к войне готовились. Лихорадочно перестраивалась промышленность и логистика, запасались боеприпасы и горючее, одна за другой шли в войска директивы. В войсках к директивам относились... по-разному. Все понимали неизбежность Большой Войны, но мало кто не надеялся – обойдётся, небось, нешто.

Колкий страх, нетерпение, деловитое движение огромных масс людей. Суета – успеть бы, только бы успеть; хотя к Большой Войне успеть невозможно.

Кто-то возводил укрепрайоны, кто-то отрабатывал фигуры высшего пилотажа и боевое взаимодействие, кто-то тщательно взрыхлял контрольные полосы. Кто-то, как Павлов, скатывался во всё более мрачный и бессмысленный запой, нелепо волочился за балеринами, заслонялся от страха всё более бравурными и лживыми докладами наверх.

Наверху ждали тоже.

Невысокий, немолодой уже человек на самом верху – выше солнышка – спокойно и сосредоточенно напрягал все свои силы и все силы своей страны, чтобы спасти страну, чтобы спасти нечто большее, чем страна. За человеком стояла великая правда – а правда есть сила; но сил всё равно не хватало.

Пойди история чуть иначе – подлецы-историки написали бы: не предвидел, не предусмотрел, не подготовился.

Ложь. И предвидел, и предусмотрел. Не подготовился? Поди подготовься, когда четыре миллиона весёлых белозубых парней с засученными рукавами бряцают железками по ту сторону границы. Лучшая в мире армия, покорители Европы; да эта армия и была самой Европой в очередном её крестовом походе. Европа накачивала эту армию техникой, ресурсами, людьми – весёлой белозубой поганью. Английские банкиры накачивали её деньгами, американские олигархи – жратвой через «нейтральную» Испанию и технологиями через «нейтральную» Швецию аж до 1944 года. Но до сорок четвёртого, когда всё уже стало ясно, надо было ещё дожить, а пока ничего не было ясно, и вся сволочь мира накачивала ненавистью – великой ненавистью к великой правде – чудовищного миллионного зверя, низко – ниже кладбища – припавшего к земле перед неизбежным смертельным прыжком.

Одиноким усталым человеком стоял между Родиной и зверем, пытаюсь успеть сделать так, чтобы этот прыжок стал смертельным не для Родины, но для зверя. Родина должна была выжить.

– Так что, товарищ профессор, жить буду? – с мягкой усмешкой спросил больной.

Борис Сергеевич Преображенский, практически «личный» терапевт Сталина, несколько замялся, но профессиональная добросовестность взяла верх.

– Иосиф Виссарионович, у вас флегмонозная ангина. Тяжёлая, тяжелейшая даже флегмонозная ангина! – профессор и сам разволновался. – Госпитализация необходима. Полежать, отдохнуть, знаете ли, поскучать.

Сталин снова усмехнулся.

– Нет, на это я пойти не могу. Здесь поскучаю.

Волынское, где располагалась Ближняя дача, действительно было местом тихим. Но Сталин лукавил – скучать было некогда. Каждый рабочий день нынешнего, 1941 года был до отказа заполнен работой. Выходные, впрочем, тоже. Темп был взвинчен уже сверх всякой меры: Сталин чувствовал – он всегда чувствовал – и потому загонял себя. Во второй половине июня Сталин серьёзно простыл, температура больного подсказывала почти до сорока,

и Бориса Сергеевича просили не отлучаться из Москвы. Вот и этот вечер субботы, похоже, пропал.

Профессор ещё некоторое время пытался скандалить, по старой «ушной» привычке щёлкал пальцами – но что он мог поделать. Он вышел из зала, плотно затворив за собой двери, попрощался с Мозжухиным и уже на выходе из приёмной столкнулся с двумя весьма озабоченными военными авиаторами в чинах. Все штатные атрибуты неизбежности и неотложности были на месте: кожаные портфели, блестящие сапоги и суровое выражение мужественных лиц. Рядом с военными маялся какой-то штатский с умным насмешливым взглядом. Неодобрительно покачав головой, добрый доктор направился к выходу. Люди Власика уже подогнали машину.

Сталин отхлебнул чаю с лимоном, огладил усы и снова вчитался в бумаги. Читать было трудно – кидало в жар, голова пухла и вроде бы даже потрескивала, но надо было читать, надо было думать, надо было принимать решения. Из представленных фотографий невозможно было понять ничего, да и торопливая пояснительная записка оставляла больше вопросов, чем ответов.

– Почему вы, а не кто-то из астрономов? – остро спросил Сталин.

Михаил Клавдиевич Тихонравов, уже тогда знаменитый конструктор, автор проекта «Ракеты 09» – первой в СССР взлетевшей ракеты на жидком топливе, сидел за столом напротив Сталина. Военные расположились по бокам от ракетчика – сольную партию сегодня играл он.

– Да я, собственно, здесь случайно оказался. У нас постановление о серийном производстве ожидает подписания, ракета М-13 и боевая машина, вы знаете.

– Всё будет подписано, – ещё бы Сталин не знал про «Катюшу», – получит Флёрсов свою батарею. Продолжайте.

– И меня вот товарищи в Наркомате нашли и попросили сделать экспертное заключение. – Товарищ слева коротко кивнул, товарищ справа приосанился. – Мы всё посмотрели, запросили снимки в Кучинской обсерватории. Это они первые зафиксировали... объект. Пулково тоже устойчиво наблюдает, и в Томске подтверждают.

Тихонравов вздохнул и продолжил:

– Объект искусственного происхождения, сомнений нет. Форма регулярная, и мы наблюдаем самостоятельное свечение.

– Это может быть сверхвысотный аэростат?

Учёный замялся, но честно признал:

– Мы не знаем, что это за объект. Но, как вы понимаете, не аэростат: на такой высоте от земли атмосферы уже нет. У меня в книге «Ракетная техника» про это подробно...

– Я прочитаю, – пообещал Сталин, делая пометку. Он действительно читал очень много и очень быстро и собирался выполнить обещание. Но не сейчас.

– Объект находится на синхронной... геосинхронной орбите, – поправился ракетчик, – висит точно над Москвой. В астрономическом, конечно, смысле.

Он покрутил в воздухе пальцами, изображая кривоватую восьмёрку.

Сталин неприятно нахмурился.

– Мы подняли звено истребителей, товарищ Сталин, – быстро сказал авиатор слева.

– И звено бомбардировщиков, товарищ Сталин, – быстро сказал авиатор справа.

– Зачем? – изумился товарищ Сталин.

– На всякий пожарный.

– Значит, бомбардировщики...

Иосиф Виссарионович задумчиво отхлебнул чаю.

Авиатор слева отхлебнул чаю. Авиатор справа отхлебнул чаю. Михаил Клавдиевич подумал и тоже на всякий случай отхлебнул чаю.

– «Звезда КЭЦ»? – задумчиво спросил Сталин, припоминая фантастическую повесть, прочитанную им ещё в 1936 году. – Всё-таки ракета? Какая-то из иностранных держав смогла запустить ракету с бомбами на борту.

– Не могла, товарищ Сталин, – убеждённо ответил учёный. – Никто не мог.

– Вы что же, товарищ Тихонравов, полагаете, будто ваш Ракетный институт невозможно обогнать в данном вопросе? – раздражённо проговорил Иосиф Виссарионович. – Винклер в Германии запустил ракету на жидком топливе ещё в тридцать первом году. На два года раньше вашей ГИРД! У немцев же работает Герман Оберт, у американцев – Роберт Годдард. Вы, ученики Циолковского, возомнили себя впереди всех, а теперь выясняется, что у кого-то есть возможность угрожать нашей столице бомбовым ударом.

Авиатор слева отхлебнул чаю. Авиатор справа отхлебнул чаю. Михаил Клавдиевич сглотнул.

– Иосиф Виссарионович, – тихо сказал он, – этот объект не мог запустить никто на Земле. Его наблюдаемая длина – не менее десяти километров, и это самая осторожная оценка. Методов для измерения массы объекта у нас нет вовсе.

Сталин откинулся в кресле. Взял со стола трубку, повертел в руках, положил на место.

– Собирайтесь, товарищ Тихонравов. В Кремль поедem в моей машине.

Сержант государственной безопасности Коля Половинкин стоял на Красной площади с букетом нежно-розовых лилий и чувствовал себя полным дураком. Он торчал тут уже битых полтора часа, несколько раз прошёлся до метро и обратно, съел три порции ароматного эскимо в хрустящей бумажной обёртке, даже полюбовался, как в Спасские ворота проезжают сразу пять больших чёрных авто, а потом ещё много авто поменьше, но тоже чёрных; в общем, помирал со скуки.

Хорошая девушка из общежития МИИТ, назначившая свидание перед Историческим музеем, оказалась вовсе не хорошей, а дурной. Даже, наверное, немного порочной, как аромат вот этих самых лилий. Наверное, теперь с подружками хихикает над простоухим сержантиком, которого так удачно провела. Или – хуже того – сидит в общежитии за накрытым ситцевой скатертью столом и учит какую-нибудь глупую тригонометрию с каким-нибудь глупым брюнетом.

Он с мрачным мстительным удовольствием вообразил, как приезжает на Бахметьевскую, подходит к шестому корпусу МИИТ, достаёт своё замечательное новенькое удостоверение с гербом... «А подать сюда порочную девушку Зинаиду! И её глупого брюнета тоже».

Сам Половинкин был вызывающе белобрыс, отчаянно голубоглаз и внешность свою полагал совершенно недостаточно мужественной, потому имел склонность хмурить брови и выдвигать вперёд нижнюю челюсть. Правда, силушкой папа с мамой не обидели, да что с того? Сильных теперь много. Разве может кто-то быть слабым в такой замечательной стране, как СССР? Когда такая страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой.

Коля подумал, что обязательно стал бы героем, но просто пока не было повода. Он стоял в стенке против зареченских, ходил в одиночку в тайгу на две недели, прыгал в клубе с парашютом и, в общем, знал, что при случае себя покажет. Кроме того, Коля неплохо стрелял и боксировал: он чувствовал – он всегда чувствовал, – как надо держать оружие, чтобы пуля летела в цель, и как надо держать себя, чтобы кулак соперника в цель не прилетал. А когда на показательных выступлениях по новой милицейской борьбе «самбо» сам знаменитый спортсмен Харлампиев вызвал его из зала на ковёр, Коля просто чувствовал всё, что собирается делать соперник, и так выворачивался и так упирался, что Анатолий Аркадьевич даже вспотел, пока наконец не сумел провести болевой приём. Харлампиев потом хвалил

Половинкина, говорил, что у того прекрасное чутьё, и советовал серьёзно заниматься спортом, но в училище младшего командного состава НКВД их обучали хоть и тоже борьбе, но совсем, совсем иным приёмам...

По окончании училища комсомолец Николай Половинкин получил отличные новые сапоги и направление в Москву, где и скучал смертельно, ибо никаких серьёзных дел ему пока не поручали. Под серьёзными делами Коля понимал, например, разоблачение шпионской сети, окопавшейся в научном центре по изобретению новейших электрических подводных лодок. Или, например, полёт на Марс для установления там советской власти, как в замечательной книжке «Аэлита» писателя Алексея Николаевича Толстого, только чтоб победить. Уж наверное, такая девушка, как Аэлита, не стала бы обманывать Николая Половинкина и охотно пошла бы с ним в кинотеатр «Москва», где с февраля сорок первого года крутили стереофильм «Концерт» режиссёра Андриевского. Коля очень хотел посмотреть объёмное кино, но до сих пор как-то не получалось.

Вот и сегодня – пропала суббота, в общем. Подтянутый постовой милиционер, почти ровесник, в очередной раз с понимающим сочувствием бросил взгляд на Половинкина, поправил обшлаг модного белого кителя и отвернулся. Было жарковато.

Коля вздохнул, поглядел на часы, потом на порочные лилии. Наверное, лучше всего будет оставить их у какого-нибудь памятника.

Он огляделся.

И в этот самый момент знакомые иголки упёрлись в виски. Так случилось, когда он чувствовал, и Коля привык относиться к иголкам как к хорошим подружкам, всегда готовым предостеречь его от падающей сосульки или наряда вне очереди. В этот раз подружки казались чем-то напуганными.

Половинкин стал осторожно осматривать площадь перед Историческим музеем. Не прямо перед собой, нет: любой охотник (и любой читатель приключенческих книг) знает, как верно дикий зверь чувствует прямой взгляд. Сержант государственной безопасности с безразличным видом пялился в никуда и деликатно ощупывал гуляющих прохожих периферийным зрением. До тех пор, пока нежные иголки не запели ему прямо в виски, тонко и звонко: динь-дон, динь-дон! вот-и-он! вот-и-он!

По брусчатке площади не быстро, но очень спокойно и целеустремлённо вышагивал высокий худощавый юноша в странной коричневой робе, похожей на костюм лёгкого водолаза. Юноша не выглядел крепким, но жилистым и точным в движениях. Он низко наклонил коротко стриженную голову и мог бы показаться сутулым, если бы такая осанка не казалась всего лишь подготовкой к внезапному прыжку. На поясе странного костюма болталась недлинная металлическая штуковина, вроде складной подозрительной трубы, что хранилась в сундуке у деда в Саратове. Коля мог бы поклясться чем угодно, что безобидная с виду железяка была оружием, и очень важным для его владельца: правая рука гражданина всё время тянулась к этой трубе, оглаживала кончиками пальцев, но всякий раз будто отдёргивалась, убедившись в близости оружия. Кисть руки, кисти обеих рук были плотно покрыты шрамами, и Коле сразу не понравилась естественная привычность этих шрамов, как будто гражданин в водолазном костюме считал явное уродство такой же важной частью себя, как и непонятное оружие на поясе.

И странного юношу, и все его странные подробности Половинкин успел рассмотреть хоть и периферийным зрением, но чётко и быстро. Так же быстро сержант госбезопасности принял решение последовать за гражданином, который уже сворачивал за угол музея, направляясь, по всей видимости, к гранитной глыбе Мавзолея Владимира Ильича Ленина. Не понравился Коле гражданин, он не понравился.

Неприметно следуя за юношей в водолазном костюме, Половинкин обратил внимание, что гуляющие, которых к вечеру рабочего дня собралось на площади уже немало, как бы сами собой расступаются перед всё так же ровно вышагивающим «водолазом». Перед Колей, допустим, тоже многие расступались, но Коля-то всё-таки был парень видный, да и новенькая форма способствовала. Не боялись, конечно, – кто же в СССР заботится формы сотрудника НКВД, кроме, ясное дело, шпионов и бухаринских недобитков. Уважали. А вот перед странным юношей прохожие расступались так, будто вовсе не видят его, просто вдруг захотелось поближе рассмотреть особенно интересный камень в брусчатке или приспичило переступить с ноги на ногу.

Коля с тревожным интересом наблюдал, как юноша приближается к небольшой очереди, сгрудившейся перед входом в Мавзолей. Вопреки его ожиданиям, никто из собравшихся прохожих не одёрнул наглеца, нарушающего покойное достоинство святого места, не щёлкнул парня по носу со словами «куда прёшь, не на базаре». Толпа расступилась перед юношей, как морская вода перед каким-то древним колдуном в сборнике завиральных сказок, который Коля читал у деда в Саратове.

На самого Половинкина прохожие смотрели несколько неодобрительно, дороги никто особо уступать не спешил, и он уж начал беспокоиться, что упустит вероятного нарушителя, когда тот, поравнявшись с торжественно-чёрным провалом входа в Мавзолей, вдруг запнулся и сбил шаг, удивлённо поворачивая голову вправо. Только что сосредоточенно поджатые губы на мгновение приоткрылись, сделались почти пухлыми, как будто их обладатель столкнулся с невообразимо высокой силой, заведомо превышающей его собственные детские силы.

Но растерянность продолжалась лишь краткий миг. Юноша снова поджал губы, опустил голову, отвернулся от багрово-алой надписи «ЛЕНИН» и продолжил своё целеустремлённое движение к парадным воротам Кремля – Спасской башне. «Как паровоз», – подумал Половинкин и в этот именно момент всей душой, всеми её иголочками почувствовал, что «водолаза» во что бы то ни стало необходимо остановить, не дать ему войти в Кремль, иначе случится что-то непоправимо ужасное и окончательное. Юноша был не просто странным – он был вражеским диверсантом, понял Коля и мысленно взвыл от восторга. Подвиг! Подвиг! – эта мысль наполнила его силой и уверенностью. Жаль, нет пистолета, да кто ж с пистолетом ходит на свидание.

Он ускорил шаг, но воздух вокруг будто бы сгустился, не давая ни бежать, ни дышать толком. Преследуемый двигался неожиданно быстро, всё так же по прямой. Всего несколько метров заставили Колю взмокнуть, но он стиснул зубы и сокращал расстояние.

Диверсант вдруг остановился, словно наткнувшись на невидимую стену. Всё так же не поднимая головы, он очень плавно, как в замедленной съёмке, начал разворачиваться прямо на подбегающего Колю, правой рукой хватаясь за свою непонятную трубу и в сильном угрожающем жесте вскидывая левую навстречу сержанту.

«Пропала суббота», – весело подумал Коля Половинкин, подныривая под эту занесённую руку и тыча букетом нежно-розовых лилий прямо в серые холодные глаза диверсанта.

Глава 3

Парад планет

Гуманоид привыкает ко всему.

Вчера ты боишься каждого встречного. Красномордый адмирал Криф орёт на тебя, надменный командор Пьет гоняет по палубам с дурацкими поручениями, даже собственные товарищи по кубику, такие же лейтенанты, подкладывают в твою койку вонючих фондорских гипножаб и мочатся в казённый скафандр.

Потом выясняется, что бояться надо гораздо меньшего количества людей, потому что почти все твои обидчики вдруг – пфф! – украшают вакуум, погребены под завалами алустила, сложены штабелями в корабельных банях, в лучшем случае – купаются в цистернах с противной сладковатой бактой.

А потом ты вдруг превращаешься в капитана сильнейшего Имперского линкора, и тебе не нужно бояться ни адмирала Крифа – потому что Криф казнён, – ни даже хозяина этого самого корабля, Лорда Вейдера. Потому что борьба за живучесть, пожаробезопасность и герметичность, восстановление планетарных приводов и хотя бы одного генератора щитов, руководство аварийными командами, анализ повреждений и оставшихся ресурсов – всё это не оставляет времени на глупые страхи.

Таус думал, что сразу после аудиенции Вейдер удалится в свою каюту, отдыхать, медитировать, искать пути в Силе – что там положено делать джедаям. Но нет, Владыка ситх всё время был рядом, его приказания всякий раз оказывались точны, а советы – полезны; да и техники становились гораздо покладистее, когда за спиной Тауса вырастала высокая фигура в чёрном плаще.

Вейдер, очевидно, тоже пострадал во время катастрофы. Таус слышал прерывистое дыхание из-под маски, видел, как тёмный джедай иной раз замедлял шаги, словно они причиняли ему острую боль. Но низкий уверенный голос звучал всё так же твёрдо – дух превыше плоти; тем более что эта плоть, по слухам, наполовину была из пластика и металла.

В кадровых вопросах Вейдер не ограничился повышением Игнази. Он заполнил ряд вакантных должностей на мостике уцелевшими офицерами из 501-го Легиона и отряда «Буран». Расчётная десантная нагрузка «Палача» составляла тридцать восемь тысяч бойцов, но в пробном рейсе на борту оказалось около пяти. После катастрофы из обоих легионов уцелело менее трёх тысяч. Да, каждый из них отличался умом, сообразительностью, был силен и прекрасно тренирован – но, увы, лишь для действий на поверхности. Многие из легионеров, разумеется, обладали навыками пилотирования десантных средств, однако челнок против Имперского Суперразрушителя – всё равно что гизка против ранкора. Конечно, при великой нужде можно попытаться погладить... Нужда была велика.

С палубными пилотажными группами дело обстояло ещё хуже. Их кубрики располагались рядом с Основным ангаром, на который пришёлся первый же удар. Уцелело всего около тридцати пилотов – меньше, чем пригодной для пилотирования техники. Вероятно, для подмены выбитого командного состава эти лётчики подошли бы лучше легионеров, но совсем уж раздёргивать их было нельзя: случись что – и линкор можно будет прикрыть только остатками СИД-истребителей. На ионники и турбозеркала надежды было мало: оставшихся силовых агрегатов впритык хватало на обеспечение энергопотребления самого корабля, а сдвоенные ионные двигатели палубников были неприхотливы, надёжны и обладали автономностью в пределах двух стандартных суток. Впрочем, Таус не верил, что в случае сколь-нибудь серьёзной атаки «Палач» протянет хотя бы пару часов.

Какими соображениями руководствовался Вейдер, формируя новый командный состав? Наверное, эта его Сила позволяет как-то отличать достойных; Таусу было некогда